

ПУБЛИКАЦИИ

ЭПИГРАММЫ ПАВЛА СИЛЕНЦИАРИЯ И МАКЕДОНИЯ КОНСУЛА

Павел Силенциарий (т. е. «блуститель тишины и спокойствия» при императорском дворе) и Македоний Консул (или «ипат») — лучшие из византийских поэтов времен Юстиниана Великого. Их эпиграммы, собранные в «Палатинской антологии», были частично опубликованы у нас¹, но полный перевод всех этих эпиграмм на русский язык издается впервые. Из поэтических произведений Павла Силенциария в настоящем собрании не публикуются только два его больших стихотворения — «Описание храма святой Софии», восстановленного после землетрясения 557 г. (принадлежность этого описания Павлу Силенциарию не вполне достоверна) и стихи «На пифийские горячие источники», опубликованные ранее в переводе Ю. Ф. Шульца². Эпиграммы обоих поэтов относятся, согласно их распределению в «Палатинской антологии», к эротическим (кн. V), посвяжительным (кн. VI), надгробным (кн. VII), эпидейктическим (кн. IX), увещательным (кн. X), застольным и сатирическим (кн. XI). Кн. XVI — эпиграммы из собрания Плануда, присоединяемые в нынешних изданиях к «Палатинской антологии».

Оставляя пока в стороне подробный комментарий к полному собранию эпиграмм обоих авторов, мы ограничиваемся здесь лишь краткими замечаниями к некоторым эпиграммам Павла Силенциария. Эпиграмма V, 232 написана либо от лица какой-то светской дамы, либо от лица гетеры; IX, 620 — эпиграмма на двойную баню для женщин и мужчин; IX, 658 — на восстановление здания суда, подожженного во время голодного бунта в Византии при императоре Аркадии в 407 г.; IX, 663—664 — на канал в садах императора Юстина в Халкедоне; IX, 782 — на водяные часы; XVI, 118 — на подвиг брата поэта Эсхила (см. Геродот, VI, 114).

Эпиграммы Павла Силенциария перевели: Л. В. Блуменау (V, 217, 219, 241, 252, 255, 258, 260, 266, 268; IX, 664); Д. С. Усов (V, 221); Ю. Ф. Шульц (V, 228, 236, 239, 246, 256, 279, 293, 300; IX, 663); А. Г. Челпанов (V, 283, 286).

Эпиграммы Македония перевели: Ю. Ф. Шульц (V, 224, 225, 229, 231, 233, 235; XI, 61); Л. В. Блуменау (IX, 625, 648; X, 67; XI, 58).

Все остальные эпиграммы Павла Силенциария и Македония перевел Ф. А. Петровский.

Ф. А. Петровский

¹ См. «Греческие эпиграммы». М., 1935; М., 1960.

² См. «Памятники поздней античной поэзии и прозы». М., 1964.

V, 217

В золото Зевс обратился, когда захотел он с Данаи
Девичий пояс совлечь, в медный проникнув чертог.
Миф этот нам говорит, что и медные стены, и цепи —
Все подчиняет себе золота мощная власть.
Золото все расслабляет ремни, всякий ключ бесполезным
Делает; золото гнет женщин с надменным челом,
Так же, как душу Данаи, согнуло. Кто деньги приносит,
Вовсе тому не нужна помощь Киприды в Любви.

Перевод Л. Блуменау

V, 219

Будем, Родопа, мы красть поцелуи и милую сердцу,
Но возбраненную нам, службу Киприде скрывать.
Сладко, таясь, избегать сторожей неусыпного взгляда;
Ласки запретной любви слаще дозволенных ласк.

Перевод Л. Блуменау

V, 221

Долго ли будем с тобой распаленные взоры украдкой
Друг на друга бросать, пламя желанья тая?
Молви, какая забота томит тебя — кто нам помехой,
Чтобы мы нежно сплелись, горе в объятьях забыв?
Если ж нельзя нам сойтись, то меч нам обоим поможет:
Сладко нам пребывать в жизни и в смерти вдвоем.

Перевод Д. С. Усова

V, 226

Очи, доколе вшивать вы будете нектар Эротов
И опьяняться красой хмельной осмелитесь вы?
Дайте упиться нам всласть! — Но в полной тиши безмятежно
Трезвые я приношу жертвы Киприде благодней.
Если ж и тут как-нибудь пронзит меня страстное жало
Вы ороситесь тогда влагой холодною слез,
И по заслугам всегда будет вам эта кара: ведь вами
Вторгнуты были, увы, мы в этот пламенный жар.

V, 228

Ради кого, мне скажи, ты кудри свои заплетаешь,
Холишь руки свои, ногти подрезав кругом?
И для чего ты свою одежду окрасила в пурпур?
Ведь не узнаешь теперь прежней Родопы красу.
Теми глазами, какими я больше не вижу Родопы,
И на златую Зарю я не желаю смотреть!

Перевод Ю. Шульца

V, 230

Из золотистых кудрей волосок один вырвав, Дорида
Руки связала мои, точно у взятого в плен.
Я рассмеялся сперва и мнил, что Дорида желанной
Узы могу на себе я без труда разорвать.
Но не хватило мне сил, и вот уже застонал я,
Точно бы медными тут стянут я путами был.

Трижды несчастный теперь к ее волоску я привешен
И за владычицей вслед должен тащиться везде.

V, 232

Я, Гипподама целуя, мечтаю в душе о Леандре;
Если ж к Леандра губам я прижимаю свои,
Образ Ксанфа в груди у меня; обнимаю я крепко
Ксанфа, а в мыслях опять я Гипподама зову.
Каждый в объятьях моих мне не мил: то того, то другого
Попеременно обняв и привлекая к себе,
Я Кифереей богата. А та, что нас попрекает,
Пусть себе будет всегда в бедности с мужем одним.

V, 234

Смолоду был я суров, отвергая всегда непреклонно
Пафии страстной закон, к сладкой зовущий любви;
Неуязвимым я был для стрел ядовитых Эротов,
Ныне же, полуседой, шею, Киприда, клоню.
Ты улыбнись мне! Твоя над мудрой Палладой победа
Большая, чем обладать яблоком встарь Гесперид.

V, 236

Тантала муки, какими он был в Ахеронте наказан,
Право, гораздо слабей наших мучений людских.
Видя твою красоту, без помехи губами своими
Нежных, как роза, твоих губ он коснуться бы мог.
Тантал, рыдающий вечно, нависшей над ним опасался
Грозной скалы, но не мог он еще раз умереть.
Я же при жизни, бедняк, погибаю, снедаемый страстью;
Весь изнемог и меня жребий погибельный ждет.

Перевод Ю. Шульца

V, 239

Пламени ярость утихла, и я уже больше не болен.
Но, охлажденный, теперь, Пафия, гибну совсем.
Тело уже спалено, и ползет сквозь кости и душу,
Алчностью тяжелой дыша, горечи полный Эрот.
Так, если жертвы приносят и пламя их поглотило,
Пищи не видя себе, сам угасает огонь.

Перевод Ю. Шульца

V, 241

Слово «прости» тебе молвить хотел я. Но с уст не слетевший
Звук задержал я в груди и остаюсь у тебя,
Снова по-прежнему твой,— потому что разлука с тобою
Мне тяжела и страшна, как ахеронтская ночь.
С светом дневным я сравнил бы тебя. Свет, однако, безгласен,
Ты же еще и мой слух радуешь речью своей,
Более сладкой, чем пенье Сирен, и которой одною
Держатся в сердце моем все упования мои.

Перевод Л. Буменау

V, 244

Нежно целует Демб, Галатея и долго и звучно,
Ну а Дорида куснет. Кто возбуждает сильнее?
Ухо совсем не судья поцелуям; и, только отведав

Жало колючее губ, вынесем мы приговор.
Сердце, ты сбилось с пути! Но, ты знаешь, Демó поцелуй
Нежны, и слаще, чем мед, влажные губы ее.
Стой же за них! У нее венок по заслугам. Но если
Кто и другой увлечен, я-то навек за Демó.

V, 246

Нежен Сафó поцелуй и рук белоснежных объятья,
Неги полна она вся, сердце же девы — кремь.
Только до губ у нее любовь простирается; дальше
Девственность строго она и нерушимо хранит.
Кто это может снести? Да, пожалуй, лишь тот и сумеет,
Кто в состояньи легко Танта́ла жажду стерпеть.

Перевод Ю. Шульца

V, 248

Как ты посмела, рука, ее золотистые кудри,
Крепко в кулак захватив, за спину дерзко скрутить?
Дерзкая! Как не смягчил твоей ярости жалобный голос,
Вырванных клочья волос, шея склонённая ниц?
Пó лбу напрасно теперь тебе ударять непрестанно:
Больше ладонью своей ты не коснешься соснов.
Но не казни, госпожа, умоляю, столь тяжкою карой:
С радостью легче снесу я наказание мечом.

V, 250

Сладко Лаида, друзья, улыбается, сладко и слезы
Льет она из своих тихо опущенных глаз.
Долго вчера у меня она беспричинно рыдала
И головой к моему все припадала плечу.
Плакала горько, а я ее целовал, и сливались
Слезы в единый поток, нам орошавший уста.
Но на вопрос мой — «О чем жы ты плачешь?» — Она отвечала:
«Бросишь меня, я боюсь: все ведь обманщики вы.»

V, 252

Милая, скинем одежды и, оба нагие, телами
Тесно друг к другу прильнем в страстном объятьи любви.
Пусть между нами не будет преград. Вавилонской стеною
Кажется мне на тебе самая легкая ткань.
Грудью на грудь и губами к губам... Остальное молчаньем
Скрыто да будет,— претит мне невоздержность в речах.

Перевод Л. Блуменау

V, 254

Клятву я дал не видаться с тобой, прелестная дева,
До появления зари целых одиннадцать дней.
Вытерпеть было невмочь, и на завтра мне показалось,
Что уж двенадцатый — да! — месяц давно миновал.
Но умоли ты богов, моя милая, эти заклатья
Не закреплять на листах списка заслуженных кар.
Ласками ты умягчи мое сердце, владычица, чтобы
Не истерзал меня бич твой и блаженных богов.

V, 255

Видел я мучимых страстью. Любовным охвачены пылом,
Губы с губами сомкнув в долгом лобзаньи, они

Все не могли охладить этот пыл, и, казалось, охотно б
 Каждый из них, если б мог, в сердце другому проник.
 Чтобы хоть сколько-нибудь утолить эту жажду слиянья,
 Стали меняться они мягкой одеждою. Он
 Сделался очень похож на Ахилла, когда, приютившись
 У Ликомеда, герой в девичьем жил терему;
 Дева ж, высоко до бедер блестящих хитон подобравши,
 На Артемиду теперь видом похожа была.
 После устами опять сочетались они, ибо голод
 Неутолимой любви начал их снова терзать.
 Легче бы было рязнять две лозы виноградных, стволами
 Гибкими с давней поры сросшихся между собой,
 Чем эту пару влюбленных и связанных нежно друг с другом
 Узами собственных рук в крепком объятьи любви.
 Милая, трижды блаженны, кто этими узами связан.
 Трижды блаженны... А мы розно с тобою горим.

Перевод Л. Блуменау

V, 256

Двери ночью порой захлопнула вдруг Галатей
 Передо мной и к тому ж дерзко ругнула меня.
 «Дерзость уносит любовь» — изречение это неверно:
 Дерзость сильнее еще страсть возбуждает мою.
 Я ведь поклялся, что год проживу от нее в отдалении.
 Боги, а утром пришел к ней о прощеньи молить!

Перевод Ю. Шульца

V, 258

Краше, Филинна, морщины твои, чем цветущая свежесть
 Девичьих лиц, и сильнее будят желанье во мне,
 Руки к себе привлекая, повисшие яблоки персей,
 Нежели дев молодых прямо стоящая грудь.
 Ибо милей, чем иная весна, до сих пор твоя осень,
 Зимнее время твое лета иного теплей.

Перевод Л. Блуменау

V, 259

Томные очи твои таким вождедением дышат,
 Точно бы ты, Хариклò, встала с постели сейчас:
 Волосы встрéпаны, блеск ланит твоих розовых яркий
 Бледностью желтою скрыт, стройность утратил твой стан.
 Если без сна ты, всю ночь предаваясь борьбе неустанно,
 Так изменилась, достиг высшего счастья тот,
 В чьих ты объятьях была; но если тебя истомила
 Жаркая страсть, то зачем ты не томилась со мной!

V, 260

Сеткой ли волосы стянешь, — и я уже таю от страсти:
 Вижу я Рей самой башней увенчанный лик.
 Голову ль вовсе открытой оставишь, — от золота прядей
 Вся растопясь, из груди вылиться хочет душа.
 Белый покров ли себе на упавшие кудри накинешь, —
 Пламя сильнейшее вновь сердце объемлет мое...
 Три эти вида различных с триадой Харит неразлучны:
 Каждый из них на меня льет свой особый огонь.

Перевод Л. Блуменау

V, 262

Ох, даже всласть поболтать не дает нам злобная зависть,
Ни обменяться тайком знаками наших ресниц!
Смотрит упорно на нас стоящая рядом старуха,
Как многоокий пастух, дочери Инаха страж.
Стой и высматривай нас и терзай себе попусту сердце:
Как ни гляди, все равно в душу глазами не влезть.

V, 264

Что тебе в том, что я стал прежде времени сед, что слезятся
Очи мои? Это все шутки влечения к тебе;
Все это знаки моей безнадежной любви, это раны
Страсти жестокой, следы долгих бессонных ночей.
Иначе как бы могли взбороздить лицо мне морщины,
Или на шее уже кожа обвиснуть могла?
Чем все пышнее цветет в моем сердце любовное пламя,
Тем все скорей от забот члены стареют мои.
Но пожалей, полюби ты меня! И тотчас же тело
Помолодеет мое, и пропадет седина.

V, 266

Кто был однажды укушен собакою бешеной, всюду
Видит потом, говорят, призрак звериный в воде.
Бешеный также, быть может, Эрот мне свой зуб ядовитый
В сердце вонзил и обрек недугам душу мою.
Только твой образ любимый повсюду мне чудится — в море,
В заводи каждой реки, в каждом бокале вина.

Перевод Л. Блуменау

V, 268

Больше пугать не должны никого уже стрелы Эрота:
Он, неудержный, в меня выпустил весь свой колчан.
Пусть не боится никто посещения крылатого бога! —
Как он ступил мне на грудь маленькой ножкой своей,
Так и засел в моем сердце с тех пор неподвижно и прочно, —
С места нейдет и себе крылышки даже остриг.

Перевод Л. Блуменау

V, 270

Розе венки не нужны, и тебе не нужны ни одежды,
Ни в самоцветных камнях сетки, моя госпожа.
Жемчуга кожа нежней, волос распущенных пряди
Ярким сияньем своим золота блеск превзойдут.
Огненным цветом горит иакинф индийский, но все же
Прелести пламенных глаз не одолеть и ему.
Влажные губы твои и эту медвяную сладость
Стройной груди — это дал Пафии пояс тебе.
Всем этим я побежден. Одними только очами
Я утешаюсь: они сладких обитель надежд.

V, 272

Груды в руках, уста на устах, серебристую шею
Я обнимаю и свой вовсе я ум потерял.
Пеннорожденною всей овладеть я тщетно стараюсь:
Дева не хочет со мной ложе свое разделить.

Делят у ней пополам Афина и Пафия ложе,
А между ними двумя я постоянно томлюсь.

V, 274

Дерзкий Эрот-озорник ухитрился однажды мой образ
Запечатлеть глубоко в сердце горячем твоём,
Ты же, увы, его вдруг теперь отрыгнула, а твой-то
Образ прелестный в моей твердо начертан душе.
И предъявлю его я Фаэтонгу, злодейка с Аидом,
Чтоб тебе Критский судья иск не замедлил вчинить.

V, 275

Как-то, вздремнув вечерком и закинув за голову руку,
Менекратида моя сладко забылась во сне.
Я и посмел к ней прилечь, но лишь по дороге Киприды
Мне полпути удалось сладостно тут завершить,
Как пробудилось дитя и, белыми сразу руками
Голову цепко схватив, стало мне волосы рвать.
Все ж, как ни билась она, завершили мы дело Эрота,
Но залилась она вся слезным потоком, сказав:
«Вот, негодяй, своего ты даром добился, а я-то
Воли тебе не давать даже за деньги клялась.
Ты вот уйдешь и сожмешь другую сейчас же в объятьях:
Все ненасытные вы жадной Киприды рабы».

V, 279

Медлит Клеофантида. Уж в третьем светильнике пламя
Стало клониться, и вот медленно гаснет оно.
Если б и в сердце огонь погас со светильником вместе
И не сжигал бы меня долгой бессонной тоской!
Как она часто Кипридой клялась, что придет на закате,
Но не желает упасть ни божества, ни людей!

Перевод Ю. Шульца

V, 281

Ночью вчера Гермонасса, когда, возвращаясь с попойки,
Двери я ей украшал, их обвивая венком,
Вдруг окатила меня водой из кубка, прическу
Спутав мою, а над ней целых три дня я сидел.
Но разгорелся я весь от этой воды, и понятно:
Страстный от сладостных губ в кубке таился огонь.

V, 283

Целую ночь, покоясь рядом со мною на ложе,
Горькие слезы лила радость очей Феано.
Чуть только Геспер свой бег направил к вершинам Олимпа:
«Близок денницы восход», — сетовать стала она.
Смертным ничто не по праву, но если Эрот твой владыка —
То киммерийская ночь будет желанна тебе.

Перевод А. Челпанова

V, 286

Клеофантида! Скажи: какво для двоих упоенье,
Если обоих Эрот с равною силой стремится?
Есть ли Арей, или срам, или ужас такой, что возмог бы
Силой внезапной разъять слитые страстью тела?

Если бы члены мои опутаны были сетями,
Теми, что сладил Гефест хитрым искусством своим,—
Все же, с тобою соплетшись, прелестница, стан твой объявши,
Я наслаждаться бы мог негой касаний твоих.
Было бы мне нипочем, госпожа, кто бы нас ни увидел —
Путник, сосед, иерей или супруга моя.

Перевод А. Челпанова

V, 288

После того как, играя со мной на пирушке, украдкой
Бросила мне Харикло на волоса свой венок,
Ждет меня адское пламя. Знать, было в венке этом что-то,
Что и Креонтову дочь, Главку, когда-то сожгло.

Перевод Л. Блуменау

V, 290

Матери ловко своей отведя беспокойные взгляды,
Пару румяных тайком яблоков мне подала
Девочка милая. В них, наверно, под ярким румянцем
Был потихоньку сокрыт страсти волшебный огонь.
Пламенем этим объят, несчастный, вместо сосков я
Тщетно держу, горе мне, яблоки в праздных руках.

V, 291

Если, о милая, мне на свои намекаешь ты груди
Этим подарком, то я счастлив безмерно теперь.
Если ж мне нечего ждать, ты меня обманула, зажегши
Страсти огонь и его не собираясь унять.
Ранивший Телефа сам и его исцелил, так не стань же,
Девушка, злее врагов по отношению ко мне.

V, 293

Да, необуздан Эрот и не знает законов. Найдется ль
Дело, что в силах отвлечь от безрассудства любви.
Если ж законы и право тебя занимают всецело,
Значит в груди у тебя нет безрассудной любви.
Да и какая же это любовь, если узким проливом
Можно совсем разлучить с девою твою тебя?
Силу любви нам Леандр показал. Презирая опасность,
Плыл он, отважный пловец, ночью по черным волнам.
А для тебя и суда есть, мой друг, только ты посещаешь
Чаще Афины,— совсем ты о Киприде забыл.
Дело Паллады — законы, а Пафии — страсть; и найдется ль,
Молви, такой человек, чтобы обоим служил?

V, 300

Тот, кто заносчивым был и сводил надменные брови,
Ныне игрушкой в руках девушки слабой лежит.
Тот, кто когда-то считал, что надо преследовать деву,
Сам укрощенный, теперь вовсе надежды лишен.
Вот он, простершийся ниц и от жалобных просьб ослабевший,
А у девчонки глаза гневом пылают мужским.
Девушка с львиной душой, даже если твой гнев и оправдан,
Все же надменность умерь, ведь Немесида близка.

Перевод Ю. Шульца

V, 301

Если отправишься ты еще дальше пределов Мерои,
Я на Эроta крылах тотчас с тобой полечу;
Коль к одноцветной тебе на Восток ты двинешься Эос.
Пеший пройду за тобой тысячи стадиев я.
Если ж глубинный несу тебе дар я ничтожный, прости мне:
Пафии это Морской, девушка, дар для тебя.
Ныне, желанного мне побежденная прелестью тела,
Дерзко свою красоту не превозносит она.

VI, 54

Медной цикадою чтит Локриец Евном Ликорея,
Жертву ему принося в память борьбы за венок.
На состязаньи форминг противником был ему Парфий,
И не успела издать лира локрийская звук,
Как заскрипела струна, ослабев под ударами пектра,
Но не споткнулся напев и не нарушился строй:
Нежно поющая тут на кифару села цикада,
Застрековавши под звук лопнувшей было струны,
И полевой голосок, раздававшийся раньше по рощам,
Приноровила она к лиры моей голосам.
Медной певуньей за то, на кифаре сидящей цикадой,
Ныне блаженного чтит сына Латоны Евном.

VI, 57

Пятиконечными лап остриями грозившую эту
С пастью разверстою вширь и с головою в крови
Львиную шкуру, взнеся на сосну, тебе, Пан козлоногий,
Вместе с рогатиной в дар Тевкр преподносит Араб.
На острие полусъеденном след от зубов сохранился,
Видно, с какою рычал бешеной яростью зверь.
Нимфы и вод и лесов хороводную зачали пляску:
Ведь и на них наводил ужас и страх этот Лев.

VI, 64

Круглый свинец, по темным чертам направляющий строки,
И для очистки тростей пемзы шершавой кусок,
Плоский нож для того, чтоб раздваивать кончики перьев,
Вместе с линейкой, строке путь проводящей прямой,
Да и чернила, давно в долбленных хранимые камнях,
Ножички, чтоб очищать перьев концы от чернил —
В дар Гермесу принес Филодем, у которого веки
Отяжелели, морщат и закрывают глаза.

VI, 65

Этот свинцовый кружок, пролагать умеющий тропы,
Правильно их проводя вдоль по линейке прямой,
Острый клинок для очистки тростей, а также линейку
Для проведения по ней вкось не идущей строки,
Камень шершавый, чтоб кончик пера очинять раздвоенный,
Если его острие стерлось при долгом письме,
Также из моря глубин Тритона-Бродяги подушку —
Губку, которой целить можно ошибки пера,
Ящик с чернильницей в нем, который во многих ячейках
Все снаряженье хранить ловкого может писца,

В дар Гермесу принес Каллимен, руке своей дряхлой
В старости дав отдохнуть от долголетних трудов.

VI, 66

Не увлажненный свинец, чертивший прямую дорогу,
Вдоль по которой идут стройные буквы письма,
Вместе с линейкой, кружок направляющий ровно свинцовый,
Пористый камень вполне с губкою схожий морской,
Да и сосуд для чернил устойчивых, и тростниковых
Перьев прекрасных набор с черным слегка острием,
Губку из моря глубин — лугов порождение соленых,
Медный еще, мастерски резавший трости, клинок —
Все это здесь Каллимен посвящает улыбчивым Музам:
Он постарел и глаза слабы его и рука.

VI, 71

Вот тебе тысячи здесь с венков оборванных листьев,
Кубков осколки тебе, в пьяной разбитых гульбе,
Ключья волос умащенных! Лежит в пыли пред тобою
В страсти безумного весь Анаксагора доспех.
Все ты, Лаида, бери. У двери твоей постоянно
Вместе с толпою юнцов ночь напролет проводя,
Ни обещаний, ни ласковых слов, ни надежду сулящих
Дерзостей он от тебя, жалкий, совсем не слышал.
Нет! Изнуренный теперь, бросил он эти знаки пирушек
И непреклонной клянет женщины прелесть и нрав.

VI, 75

Лук тебе в дар, Аполлон, Андрокл преподносит охотник,
Счастливо перестреляв множество диких зверей.
Ибо ни разу стрела не слетала с гнutoго лука
И не неслась из руки попусту, вдаль уходя.
Сколько бы раз тетива, ловящая все, не звенела,
Птицу и зверя стрелой меткой сражала она.
Вот потому тебе, Феб, Ликтийское это оружие,
В кольцах сплошь золотых, в жертвенный дар он принес.

VI, 81

Щит из воловьих кож, прикрывавший тело, и пику,
Рвавшую часто кишки у наступавших врагов,
Грудь защищавший от вражеских стрел крепкий кожаный панцирь
И волосами коня густо покрытый шелом
В жертвенный дар Арею принес Лисимах, заменивший
Весь свой тяжелый доспех старческой ныне клюкой.

VI, 82

Дудки дал Пану Мениск, но Пан не принял синрги,
Молвив: «Из-за нее вовсе я спятил с ума.»

VI, 84

Зевсу сей выступ, обломок щита, за который держался
Крепко правой рукой, стойкий принес Никагор.
Все ж остальное в щите отбито копьями было,
Градом несчетных камней и лезвиями мечей.
Но и кругом оборванный щит был рукой необорной
И Никагором храним и Никагора хранил.

Всякий увидит теперь, что этим щитом нерушимо
 Был соблюден боевой Спарты старинный завет.

VI, 168

Неукротимого лоз виноградных губителя, вепря,
 Жителя наглого чащ в береговых камышах,
Острым сразу клыком выдиравшего часто деревья
 И прогонявшего прочь даже овчарок от стад,
Встретив случайно, когда с ощетиленной гривой у речки
 Только что тот вылезал, глубь покидая лесов,
Медным копьём умертвил Ксенофил и, с дикого зверя
 Шкуру содравши, ее Пану повесил на бук.

VII, 4

Мудрый глас Пиэрид — Гомер божественный — в этой
 Славной могиле сокрыт здесь на приморской скале.
Если ж такой островок вместил столь великого мужа,
 Не приходи от того ты в изумленье, пришлец:
Этого брат островка, блуждавший по морю Делос,
 Новорожденного встарь сына Латоны приял.

VII, 307

Имя мне... — Это зачем? — Отчизна мне... — Это к чему же?
 Славного рода я сын. — Если ж ничтожного ты?
Прожил достойно я жизнь. — А если отнюдь не достойно?
 Здесь я покоюсь теперь. — Мне-то зачем это знать?

VII, 560

Хоть на чужой стороне в могиле лежишь ты, Леонтий,
 Хоть от родителей ты горестных умер вдали,
Смертную участь твою оплакали многие мужи,
 При погребеньи твоём горькие слезы лия.
Все ведь любили тебя и всеми, по правде, считался
 Сыном родным ты и всем верным товарищем был.
Неумолима, увы, беспощадна к тебе была Мойра,
 Даже и юных твоих не пощадивши годов.

VII, 563

Хрисеомалл, ты молчишь, став медным, и нам уже больше
 Не представляешь теперь древлерожденных людей,
Им подражая без слов; и твое, блаженный молчанье,
 Так восхищавшее нас, всех повергает в печаль.

VII, 588

Дамохарид погружен в безмолвие вечное Мойрой,
 Замер прекрасный, увы, Музы у нас барбитон,
Рухнул грамматик столп. Ты, Кос, злополучнейший остров:
 По Гиппократе не смолк плач твой, и плачешь опять.

VII, 604

Чистая дева тебе вместо брачного ложа руками
 Скорбными смертный одр мать и отец возвели.
Ты избежала зато соблазнов и мук Илифии,
 Их же окутал туман горьких рыданий и слез.
Рок лишь двенадцать лет тебе дал, Македския, жизни!
 Ты молодой по красе, старой по нраву была.

VII, 606

Милый, с открытой душой, с приятным лица выраженьем
И у которого сын не забывал старика,
В лучшую веря судьбу, сошел в могилу Феодор,
Радостно несший труды, радостно встретивший смерть.

VII, 609

Аттик, уверенный в том, что Мойра всех похищает,
Смело при жизни меня вырыл могилкой себе:
Он добродушно шутил над страхом смерти. Пускай же
Мудрости солнце его вечно под солнцем горит.

IX, 396

В облако крепких сетей под утро как-то попался
Вместе с дерябой-дроздом также и дрозд-краснопев.
Петля дерябу назад не пустила, но вылетел сразу
Из заплетенных тенет уединенный певун.
Может быть трижды благой Артемидой-охотницей, ради
Лиры владыки, от пут освобожден был певец.

IX, 443

Ни уголка не давай ты Пафии в мыслях: сейчас же
С твердого сердца туда спрыгнет летучий Эрот.
Вкрадчива скользкая страсть, и стоит тебе прикоснуться
К жалу стрелы огневой, сразу вопьется она.
Ты похотливой надеждой не льстись: пожиратель члены
Вспыхнет огонь, и весь ум в пламени страсти сгорит.

IX, 620

Близко порхает Эрот, но до женщин тут не добраться,
Ибо великой тесна Пафии малая дверь.
Сладостно все-таки здесь, потому что в делах похотливых
Слаще бывает мечта, чем воплощенье мечты.

IX, 651

С трех сторон я смотрю на прекрасные моря равнины,
И отовсюду ко мне Солнце бросает лучи,
Ибо Заре простираться на меня золотистую ризу
Радостно так, что она медлит к закату идти.

IX, 658

Заново царь Иустин очистил всю грязь с украшенья,
И величавый чертог снова у Дики блеснит.
Ты же трудами, Домнин, унылую ночь отгоняешь
Как от Фемиды дворца, так и от жизни людей.

IX, 663

Понт основанье земли омывает своею волною,
Суши зеленой хребты здесь отразились в воде.
Был мудрецом, кто слил здесь море с землей и садами,
Воды речные Наяд с влагой морской Нереид.

Перевод Ю. Шульца

IX, 664

Спорят о том Нереиды, с Наядами Гамадриады,
Кто это место своим более в праве назвать.

Судит Харита их спор, но решенья сама не находит, —
Так им обязана всем местность своей красотой.

Перевод Л. Блуменау

IX, 764

Я никаких ни могучих зверей, ни рыбы из моря,
Ни даже птиц не ловлю петлями наших сетей,
Но добровольных людей. Моя искусная хитрость
Мужу, который оплот ищет от жал мошкары
И, пообедав, желает соснуть без укусов, послужит,
Право не хуже кольца град охраняющих стен.
Я доставляю покой безмятежного сна; да и сами
Мне благодарны рабы: мух им не надо гонять.

IX, 765

Брачное ложе кругом оплетаю; и я не отважной
Фебе для ловли служу: нежной я Пафии сеть.
Пологом редким покрыв спокойно спящего мужа,
Я не мешаю ему воздухом свежим дышать.

IX, 770

Аникития во мне орошает губы золотые,
Но я хотел бы ее брачным питьем напоить.

IX, 782

Здесь пересекается бег лучей Фээтонта на части
И на двенадцать часов распределяется он.
Люди весь солнечный путь посредством воды измеряют,
К неба высотам с земли мысль устремляя свою.

X, 15

Снова весны благодать навстречу Зефирам открыла
Радостно лоно земли, и зеленеют луга.
На деревянных катках влачится тяжкое судно
И с побережья спешит в моря глубины скользнуть.
Эй, моряки, распустив паруса, выходите, не бойтесь,
Чтобы товары менять мирно на новую кладь.
Я охранитель судов, Приап: я горд, что Фетидой
Ласково некогда мой принят был Бромий отец.

X, 74

Не увлекайся шумихой пустой удач и богатства,
Духом не падай, рабом не становись ты забот.
Непостоянными жизнь колеблема ветрами вечно,
И то туда, то сюда бури уносят ее.
Твердо стоит только доблесть, и лишь на нее полагаясь,
Смело плыви по волнам моря житейского ты.

X, 76

Не в утешениях жизнь состоит, а в том, чтоб заботы
Нам из груди изгонять — ранних причину седин.
Если к достатку стремлюсь я, то к скромному, а непомерной
Жаждою золота всю душу себе изведешь.
Часто поэтому ты увидишь, что людям богатство
Бедности хуже, а смерть им даже лучше, чем жизнь.
Зная все это, веди свое сердце прямыми путями
И полагайся всегда только на мудрость одну.

XII, 60

Пьяницы, мы возольем вино смехотворцу Лиэю,
Горьких досаду забот чапами выгоним прочь;
А чернорясницу, мать Ферсефоны, в голодное чрево
Пусть отправляет себе после трудов селянин.
Окровавленную снедь — быков растерзанных мясо
Хищным птицам дадим и кровожадным зверям;
Кости же острые рыб, которые губы нам колют,
Тем предоставим, кому Солнца милее Аид.
Нам да будет вино и питьею благодатным и пищей,
Всю же амвросию пусть всякий, кто хочет, берет.

XVI, 57

Эта вакханка в безумьи отнюдь не создание природы —
Только искусство могло с камнем безумие слить.

Перевод Ю. Шульца

XVI, 77

Кроме очей, ни волос, ни кожи чудесного цвета
Не в состояньи была б живопись изобразить.
Тот лишь, кто солнечный блеск передать на картине способен,
Блеск Феодоры красот смог бы вполне передать.

XVI, 118

Руки, убийцы мидян, над кормою изогнутой судна,
Быстро летевшего прочь, сабли отсекли врагов,
Только лишь длани твои, Кинегир, словно якоря лапы,
Крепко схватили корабль, чтоб захватить беглеца;
Не отпускали они бревна корабельного, цепко
Впившись и в ужас вводя Ахеменийцев толпу.
Варвар какой-то их сваял наконец, но рук этих подвиг
Не удалось им отнять у Мопсопийской земли.

XVI, 277

Только твою красоту передал живописец. О если б
Мог он еще передать прелесть и песен твоих,
Чтобы не только глаза, но и уши могли наслаждаться
Видом лица твоего, звуками лиры твоей.

XVI, 278

Плектром форминги и плектром Эрота она обладает,
Может на сердце она и на кифаре бряцать.
Жалки, кто ей неугоден, но тот, кому благосклонна,
Это — второй Анхис, это — второй Адонис.
Коль, чужеземец, узнать ее имя и родину хочешь,
Родина эта — Фарос, звать же Марией ее.

МАКЕДОНИЙ КОНСУЛ (ок. 550 г.)

V, 223

О Светоносец, Эрота не мучь, у соседа Арея
Ярости ты не учись, жестокосерден не будь!
Но, как и прежде, узрев Фаэтонта в чертоге Климены,
В небе под утро взойти вовремя ты не спешил,

Так и ко мне в эту ночь, какой я насилу дождался,
Медли взойти на Восток, как в Киммерийской стране.

V, 224

Полно, Эрот, перестань сокрушать мое сердце и печень!
Если уж хочешь разить, целься в другие места.

Перевод Ю. Шульца

V, 225

Страсть — это рана моя; и кровь из той раны сочится,
Слезы текут, а она не засыхает никак.
Я же бессилен пред ней, и лекарства, в котором нуждаюсь,
Чтобы страданье унять, сам Махаон не найдет.
Телеф — я, дева; моим ты сделайся верным Ахиллом:
Только своей красотой ты мою боль утолишь.

Перевод Ю. Шульца

V, 227

Из года в год виноград собирают и, гроздья срезая,
Вовсе не смотрят на то, что изморщилась лоза;
Я ж твоих розовых рук, краса ты моя и забота,
Не покидаю вовек, с ними в объятьях сплетаясь.
Я пожинаю любовь, ничего ни весною, ни летом
Больше не надобно мне: ты мне любезна одна.
Будь же цветущей всегда! А если когда-нибудь станут
Видны бороздки морщин, что мне до них? Я люблю.

V, 229

Льющую слезы Ниобу увидев, пастух удивлялся:
Как это? — Камень, а вот... тоже роняет слезу.
Только Евгиппа, сей камень живой, меня не жалела,
Хоть я во мраке стонал всю эту долгую ночь.
Тут виновата любовь. От нее и страданья обоим:
Та ведь любила детей, я же тебя полюбил.

Перевод Ю. Шульца

V, 231

Прелестью блещут уста, лицо сияет цветами,
Пафией очи твои; пальцы касаются струн.
Взглядами свет у очей, а пением слух отнимаешь
И отовсюду разишь страждущих юношей ты.

Перевод Ю. Шульца

V, 233

«Завтра увижу тебя». — Да это вовек не случится:
Ты по привычке своей встречу отложишь опять.
Вот благосклонность твоя, а других ты другим одаряешь,
И постоянство мое, видно, тебе ни к чему.
«Вечером встречусь с тобой». — А какой это вечер у женщин?
Вечер тот — старость, пора неисчислимых морщин.

Перевод Ю. Шульца

V, 235

Я не надеялся видеть тебя, но пришла ты, и мысли
Все взволновала мои — нет изумленью границ.
И трепещу я, и сердце ужалено болью глубоко;
Тяжко томится душа, страсти волной залита.

Видишь, меня на земле кораблекрушенье постигло:
Руку спасенья подай, в гавань свою допустив.

Перевод Ю. Шульца

V, 238

Меч мне зачем обнажать? Клянусь тебе, милая, право,
Не для того, чтобы с ним против Киприды пойти,
Но чтоб тебе показать, что Арея, как ни свиреп он,
Можно заставить легко нежной Киприде служить.
Он мне влюбленному спутник, не надобно мне никакого
Зеркала: в нем я всегда вижу себя самого.
Как он прекрасен в любви! Но если меня ты покинешь,
В лоно глубоко мое этот опустится меч.

V, 240

Золотом я привлекаю Эрота: совсем не от плуга
Или мотыги кривой пчелок зависят труды,
Но от росистой весны; а для меда Пеннорожденной
Ловким добытчиком нам золото служит всегда.

V, 243

Ночью привиделось мне, что со мной, улыбаясь лукаво,
Милая рядом, и я крепко ее обнимал.
Все позволяла она и совсем не стеснялась со мною
В игры Киприды играть в тесных объятьях моих.
Но взревновавший Эрот, даже ночью пустившись на козни,
Нашу расстроил любовь, сладкий мой сон разогнав.
Вот как завистлив Эрот! Он даже в моих сновиденьях
Мне насладиться не даст счастьем взаимной любви.

V, 245

Ржешь и хихикаешь ты, в предвкушенье брачного ложа
Глазки мне строя тайком: все твои хитрости зря!
Камешков тройку зажав в кулаке, я поклялся вниманья
Не обращать никогда на приставанья ко мне.
Ты забавляйся одна и чмокайся ты себе вволю
Зря, не сливая ни с кем губы в один поцелуй.
Не по пути мне с тобой: красотки есть поприглядней,
И в совершенстве они могут Киприде служить.

V, 247

«Верность» — имя тебе. Вот я и поверил, но тщетно
Я понадеялся: ты стала мне горше, чем смерть.
Ты от влюбленных бежишь, а спешишь к тому, кто не любит,
Чтобы, лишь он полюбил, тотчас опять убежать.
Губы твои — приманка коварная: только я клюнул,
Сразу на остром крючке розовых губ я повис.

V, 271

Ту, что блистала среди красавиц в вакхической пляске,
Ту, чьею гордостью был блеск золотых кастаньет,
Старость взяла и болезнь; а любовникам страстным, что прежде
Жаждали встретиться с ней и умоляли ее,
Стала противна она. Прошла полнолуние, и нечем
Ей возместить свой ущерб и возродиться опять.

VI, 30

Невод с гузилами взял и его навязал на трезубец
Старый Аминтих, устав от рыболовных трудов,
И Посейдона из волн пучины соленого моря
Так, возливая из глаз слезы, умильно просил:
«Знаешь мои ты труды, о блаженный; но к старости жалкой,
Сил нас лишая, растет с ними всегда нищета.
Ты прокорми старичка, но только плодами земными:
Правишь и сушею ты так же, как влагой морской».

VI, 40

Пара волов добывает мне хлеб. Но тебе, о Деметра,
Я их из теста слепил, а не из стада привел.
Ты же храни мне живых и, послав урожай изобильный,
Щедро, благая, воздай за приношение мое.
Пахарю ведь твоему за восемьдесят да четыре
Минуло года уже, если по правде сказать;
И хоть еще до сих пор коринфского он урожая
Не собирал, но не знал он и голодных годов.

VI, 56

Пьяного и с головой, плющом увитой, Сатира
Бромиию в дар посвятил муж-винодел Линагор.
Все у хмельного — и шерсть, и волосья, и плющ с виноградом —
Все, очевидно, хмельно, все, обессилов, висит.
Передало мастерство всю сущность в немых очертаньях:
В мертвой материи здесь точно изваяна жизнь.

VI, 69

Судно свое укрепив на священной земле, Посейдону
Крант-мореход посвятил около храма его.
Бури не сломят ладью; широко теперь растянувшись,
Крант отдыхает, в земле спом безмятежным почив.

VI, 70

Судно тебе, о владыка морей и земли повелитель,
Крант посвятил: на ладье влаги уж более нет.
Судно — крыло быстролетных ветров, на котором несчастный
Часто предчувствовал я скорый к Аиду приход.
Но, позабывши и страх, и надежду, и море, и бури,
Крепко на твердой земле я основался теперь.

VI, 73

Дафнис, свирельный игрок, дрожавший от старости дряхлой
И не способный владеть праздною твердою рукой.
Пану, хранителю стад, посвятил свой пастушеский посох,
Ибо по старости лет коз он не в силах пасти.
Но на свирели досель я играю, досель еще голос
Мой не дрожит и живет в теле дрожащем моем.
Пусть же свирепым волкам по нагорьям никто не откроет
Из козопасов, что я немощным стал стариком.

VI, 83

Некогда Фебу Евмоли возложил на терножник кифару,
Сетуя горько на то, что постарела рука.
Так он сказал: «Не хочу я больше лиры касаться

И позабуду теперь стройность напевов былых.
Юношам струны кифар, а нам старикам вместо плектра
Надо дрожащей рукой посох опорный держать.»

VI, 175

Эту борзую, к любой способную травле свирепой
Сделал ваятель Левкон, а посвятил Алкимен.
Но, не найдя ничего, к чему бы придраться, и видя
Эту собаку во всем в точности схожей с живой,
К ней подошел, взяв ошейник, и так сказал он Левкону:
«Пусть же поскачет она, да и залает пускай.»

VI, 176

Эту собаку, ягдташ и копы с крючком заостренным
Пану и нимфам лесным в жертвенный дар я несу,
Ну а живую домой отвожу я с собою собаку,
Чтоб черствой коркою там с ней поделиться вдвоим.

VII, 566

Ты, Илифия меня родила, ты, Земля, схоронила,
Слава обеим! Теперь жизненный путь завершен.
Я ухожу, но куда? Я не знаю. Не знаю я вовсе,
Чей я? Кто я такой? К вам я откуда пришел?

IX, 625

Должен привратником быть у меня самый верный из смертных,
Строго купанья часы должен он здесь соблюдать,
Чтобы нагую Няяду в струях моих или Киприду
В сонме кудрявых Харит не увидел кто-нибудь,
Хоть бы нечаянно: «Боги опасны тому, кто их видит».
Кто же дерзнет возражать против Гомеровых слов?

Перевод Л. Блуменау

IX, 645

Сарды мне имя. Столица я Лидии. С честью на Тмоле
Пышном у Герма стою я в Меонийской земле.
Первой мне довелось увидеть Зевса, но нашей
Реи-богини родов тайну не выдала я.
Бромия мамкой была: ведь здесь в ослепительном блеске
Молнии передо мной он появился на свет.
В нашей впервые земле из набухшего вымени гроздьев
Осенью плодною был выдоен сок золотой.
Всем разукрашена я; суждено мне поэтому было
Зависть собой возбуждать в мощных всегда городах.

IX, 648

Каждому гостю я рад, земляку и чужому. Не дело
Гостеприимству пытаться: кто ты, откуда и чей?

Перевод Л. Блуменау

IX, 649

Этот чертог от самой начальной основы до верхней
Кровли был выстроен здесь благочестивой рукой.
И не разбойным мечом присвоив чужие богатства,
А накопив их себе, дом Македоний возвел.
Он и не плакал о том, будто даром труды он потратил,

Будто бы должной из них выгоды он не извлек.
Праведный муж за труды получает заслуженный отдых,
И благочестных дела да сохраняются навек.

X, 67

Благословенны да будут равно и Забвенье и Память:
Счастью Память мила, горю Забвение друг.

Перевод Л. Блуменау

X, 70

Если Надежды, подруги Судьбы, над жизнью людскою
Шутят, то вспыхнув, то вдруг снова от нас уходя,
Шутят они надо мной: человек я и должен скончаться,
Если я смертен, всегда будучи шуткой для них.
Сам я охотно своим отдаюсь заблуждениям; не стоит
Строгим в суждениях своих быть Аристотелем мне.
Анакреонта совет глубоко сохраняю я в сердце:
Сетовать нечего нам и горевать без конца.

X, 71

Видя Пандоры сосуд, я смеюсь; но не женщину, право,
Я упрекаю, а лишь блага летучие в нем:
Как, побывав на земле, на Олимп они вновь улетают,
Так же бы надобно им падать на землю опять.
А у жены, приподнявшей заветную крышку, покрылись
Бледностью щеки, и вся прелесть пропала ее.
Жизнь стала хуже вдвойне: никаких у теперешних женщин
Благ ведь от старости нет, да и в сосуде их нет.

XI, 58

Я не желаю ни злата, ни многих земель с городами,
Ни всех богатств, что Гомер Фивам приписывал встарь,—
Только бы круглая чаша мне брызгала влагой Лиэя,
Без перерыва свои ей омывая края,
Да чтобы пили со мной толпой говорливую гостю,
Да виноделы в саду труд свой исправно несли —
Вот в чем богатство мое, дорогое всегда. Что за дело
Мне до вельмож золотых, если мой кубок в руке?

Перевод Л. Блуменау

XI, 59

Все мы, любители пить, борцы владыки Иакха,
Вместе пойдем мы на пир, на состязание чаш.
Щедры дары возливать Икарийского будем Лиэя,
А Триптолема плоды пусть занимают других,
Где и волы, и плуги, и росоха, и дышло, —
Все Ферсефоны следы после захвата ее.
Если же в рот положить придется какой-нибудь пищи,
Бромиев сможет изюм пьяниц насытить вполне.

XI, 61

Был нездоров я вчера, и предстал предо мною зловредный
Врач-погубитель и мне нектар вина запретил.
Воду он пить приказал. Слова твои на ветер, неуч!
Сам ведь Гомер говорил: сила людская в вине.

Перевод Ю. Шульца

XI, 63

Вам, кто идет справлять торжество благодатного Вакха,
Надо мечтать о лозе, бедность свою позабыв.
Мне же пусть чапа пойдет за кубок, а рядом — за бочку
Будет гочило пускай, радости светлой сосуд.
Чашу свою осушив в честь нашего бога Лиэя,
Тут же готов я идти на Канастрийских детей.
Неумолимых пучин морских не боюсь я, ни молний,
Смело пойду я на все: Бромий меня вдохновит.

XI, 366

Скряга какой-то, заснув, на несметный клад натолкнулся
И в сновиденьи своем до смерти был ему рад.
Но, лишь проснулся и вновь, после всей этой прибыли сонной,
Бедность увидев свою, с торя опять он уснул.

XI, 370

Зеркалу что говорить, но я-то твои все веснушки
Изобличу, коли ты красками мажешь лицо.
Это и Пиндар-певец обличает в стихах сладковзвучных:
«Лучше воды — ничего», недруга всяких прикрас.

XI, 374

Ты и румянь и бели свои исхудалые щеки
И за коварства свои ты, Лаодика, платись.
Не разевай только рта: никакие тебе ухищренья
Прежнего ряда зубов больше уже не вернут.
Прелесть былая твоя утекла: не может источник
Блеска телесных красот неиссякаемым быть.
Раньше цвела ты, что роза весной, но теперь ты увяла,
Всю иссушила тебя старости знойная пыль.

XI, 375

Я у могилы чихнул, и тотчас мечтал я услышать
Весть о кончине жены, как и надеялся я.
На ветер я зачихал: от жены у мужей никакого
Выкупа нет, не при чем тут ни болезни, ни смерть.

XI, 380

Дева высокорожденная, Правда, старейшина градов,
Не отвергает златых, но благочестных даров.
Ведь и у Зевеса весы соделаны всезолотыми,
Коиими вешает он всяческий жизни удел:
«И протянул тут отец весы свои золотые»,
Если Гомера красот не позабыл ты еще.

XVI, 51

Памятник сей молодому Тионику. Но не красую
Изображенья его сделался он знаменит.
Юноша здесь пред тобой, чтобы, узнав о трудах его тяжких,
Ты вдохновился, мой друг, рвением к славным делам.
Ноги его никогда не ведали устали: в беге
Старших и младших и всех сверстников он побеждал.